

Для моего поколения – людей, родившихся в Советском Союзе в конце пятидесятых – начале семидесятых, Новый год был праздником особенным, практически единственным без субботников и демонстраций, семейным, личным и даже интимным.

Праздновали по-разному. Кто-то в компании с друзьями, а кто-то в семейном кругу. Выпивали шампанское под бой Кремлёвских курантов из телевизора, и начиналось застолье. Ну, а потом кто-то выпивал ещё традиционные «сто грамм» и усаживался смотреть «Голубой огонёк», а другие вставали из-за стола и выходили на улицу. Шли гулять по ночному городу, мимо ёлок, установленных на всех площадях. Там можно было повеселиться, потанцевать, поводить хороводы, встретить знакомых. Некоторые так и гуляли до утра. Ёлка в Угличе ставилась у проходной часового завода, и для часовщиков это была главная ёлка. Именно сюда приезжали артисты из Дворца культуры в новогоднюю ночь и поздравляли всех собравшихся с только что наступившим Новым годом. Скромнее была ёлка в центре города. Своя лесная красавица наряжалась для работников механического завода возле проходной.

Всем людям свойственно ждать на Новый год чего-то особенного. И все надеялись на чудо. Да, собственно, больше и не на что было надеяться. В приметы верили сплошь и рядом. А уж в новогодние – особенно. Ой, сколько же их было! Главная – «как новый год встретишь, так его и проведёшь», а ещё – рассчитаться с долгами (что часто было

непросто), примерить обновки, преподнести подарки. И чтобы желание, загаданное под бой курантов, исполнилось...

У каждого в душе, наверное, остались самые светлые воспоминания о Новом годе. У наших родителей был очень скромный Новый год. Вспомним, что после революции его в России вообще отменили как пережиток прошлого. Только с 1936 года детям ёлку «вернули». Всё начиналось с небогатых застолий, с самодельных скромных из ваты и марли костюмов, с игрушек на ёлке в небольшом ассортименте, с пряников и конфет. Не все могли купить новогодние игрушки в магазине, но взрослые старались радовать детей.

Когда родилась я, у меня всё было намного ярче и сказочнее. Мне купили маленькую ёлочку и для неё набор малюсеньких игрушек (были Дед Мороз, Снегурочка, грибочки, ракушки в маленькой коробочке). Мне каждый год бабушка и дедушка шили новые маскарадные костюмы. Первым был костюм Мальвины с голубыми волосами (парик дедушка сплёл сам), потом – Жар-птицы: на голове шапочка с глазками и клювиком, крылышки из ниток мулине; на платье при движении шевелились пёрышки, раскрашенные красками. В третьем классе я была Царевной-Лебедью. У меня были длинное, в пол платье из поплина и необыкновенный головной убор – ажурная корона из тонкого картона сверкала голубыми блёстками, под ней был спрятан механизм, состоящий из лампочки, проводов, батарейки, кнопки. Мой дедушка был электриком. Он собрал этот механизм, чтобы лампочка могла загораться, когда нажимали кнопку, как у настольной лампы. Когда в зале выключали свет и кричали: «Ёлочка, зажгись!», я нажимала кнопку, и у меня во лбу загоралась звезда на короне. Через всю жизнь я

сохранила в душе эти лучшие годы со своими бабушкой Клавдией Степановной и дедушкой Фрицем Фрицевичем Ленгвенсами. Они каждый день в моей жизни превращали в красивые события. Особенно, конечно, в предновогодние дни. Для меня бабушка пекла торт, дедушка украшал его кремом. Однажды даже меня на санках нарисовал. Ковёр у кровати висел, нарисованный дедушкой.

Никогда не забуду один волнующий момент: сижу дома, слышу звонок в дверь. Открываю, и передо мной стоит маленький Дед Мороз – такой, каких ставили под ёлку, – запряжённый в маленькие сани, в санях сладкий подарок, а в руке Деда Мороза горит бенгальский огонь.

Когда я сама стала мамой, для своей дочки тоже старалась сделать что-то приятное. Особо шить я не умела, но очень гордилась, когда у меня получилось сделать ей платье из тюля. Это вышло более эффектно, чем нам шили из накрахмаленной марли. У Елены был красивый бантик на голове. В 80-е годы многое недорого можно было купить в магазине: сандалии стоили три рубля, носки – 20 копеек. Стало больше тканей, разных аксессуаров.

В те годы стали появляться цветные фотографии, но фотоаппаратов у населения было мало: хорошие современные – только у профессиональных фотографов. Я приглашала на дом Деда Мороза и Снегурочку. В три года моя дочка, как ни странно, испугалась, а не обрадовалась Деду Морозу. Я ей говорю: «Пой песенку, а то подарка не получишь!» Она забралась ко мне на руки и дрожащим голосом с ужасом в глазах спела песенку про ёлочку. На следующий год она подросла, я пригласила фотографа Бабада. Дочка меняла наряды, фотограф терпеливо ждал. Осталась целая серия фотографий. Когда в 1991 году родилась вторая дочка, Ксения, жизнь для всех была очень нелёгкой. Было не до сюрпризов, лишь бы выжить. К сожалению, из её детства остались только фото из садика.

Сейчас многое можно купить в магазинах, да и возможностей больше. Мои дочери вышли замуж и подарили внуков. Елена и Ксения ежегодно придумывают у себя дома свои фотозоны, каждый год по-разному украшают ёлки в разных цветовых гаммах, строят камин, сани. Кладут подарки под ёлку. Радуются сами, радуют нас своими способностями. Вносят в мою жизнь немало приятных минут.

У младшей дочери стало всё круче, чем было в своё время у меня. Её сын Ростислав начал посещать фотостудии с первого года жизни. В четыре месяца мама ему заказала первый новогодний костюм, и семья пришла фотографироваться в фотостудию. На этот Новый год, я верю, в нашей семье появятся новые сюрпризы, потому что мы их ждём!

Хочется пожелать всем: и большим, и маленьким – стараться радовать друг друга, делать чаще что-то приятное, особенно на Новый год!

Алла ЛЕНГВЕНС

«Угличанин» №51 (606) от 26.12.2018 года

{jcomments on}{loadposition yandex-кнопка}